

Линде Уотсон

*Почему существует день,
почему должна наступить ночь...*

Пабло Неруда, «Ода псу»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АГАТА, старый лабрадудль

АФИНА, коричневый тикап пудель

АТТИКУС, внушительный неаполитанский мастиф с ви-
сячей мордой

БЕЛЛА, немецкий дог, подруга Афины по стае

БЕНДЖИ, находчивый и коварный бигль

БОББИ, неудачливая сука новошотландского ретривера

ДУГИ, шнауцер, приятель Бенджи

ФРИК, лабрадор-ретривер

ФРАК, лабрадор-ретривер, младший брат Фрика

ЛИДИЯ, помесь уиппета и веймаранера, измученная
и нервная

МЭЖНУН, черный пудель, фигурирующий в тексте также
как Лорд Джим или просто Джим

МАКС, дворяга, презиравший поэзию

ПРИНЦ, дворяга, сочинявший стихи, известный также
как Расселл и Элвис

РОНАЛДИНЬЮ, дворяга, сетовавший на снисходитель-
ность людей

РОЗИ, немецкая овчарка, близка с Аттикусом

ПАРИ

Однажды вечером в Торонто Аполлон и Гермес сидели в баре «Пшеничный сноп». Аполлон отрастил окладистую бороду. Гермес же, более щепетильный по отношению к внешнему виду, был гладко выбрит и одет определенно по-земному: черные джинсы, черная кожаная куртка, голубая рубашка.

Они выпивали, но пьянил богов не алкоголь, а атмосфера поклонения, вызванная их присутствием. «Пшеничный сноп» превратился в их храм, и сыновья Зевса наслаждались этим. В уборной Аполлон даже позволил немолодому мужчине в деловом костюме ненароком себя задеть. И это удовольствие, более острое, чем он когда-либо знал или познает, стоило ему восьми лет жизни.

В баре-то боги и завели путаный разговор о человеческой природе. Забавы ради говорили они на древнегреческом, и Аполлон доказывал, что как вид люди не лучше и не хуже, чем любой другой, скажем, блохи или слоны.

Люди, утверждал Феб, не обладают никаким особенным достоинством, хотя и мнят себя венцами творения. Гермес, напротив, уверял, что человеческий способ создания и использования символов куда изобретательнее, чем, к примеру, сложный танец пчел.

— Человеческие языки слишком туманны, — заметил Аполлон.

— Возможно, — ответил Гермес, — но это и делает людей занимательными. Просто послушай их. Можно поклясться, будто они понимают друг друга, хотя ни один из них и понятия не имеет, что на самом деле значат его слова для другого. Разве не забавно наблюдать за этим фарсом?

— В занимательности я им не отказывал, — возразил Аполлон. — Но лягушки и мухи занимательны не меньше.

— Сравнение людей с мухами нас никуда не приведет, сам знаешь.

На совершенном английском, хотя и в его божественной версии — то есть на английском, который каждый посетитель бара услышал со своим родным акцентом, — Аполлон спросил:

— Кто заплатит за нашу выпивку?

— Я, — вызвался бедный студент. — Пожалуйста, позвольте мне.

Аполлон положил юноше руку на плечо.

— Мы с братом благодарны тебе. Каждый из нас выпил по пять слиманов¹, так что не знать тебе голода и нужды десять лет.

¹ Имеется в виду канадская пивоварня «Слиман», принадлежащая японскому холдингу Sapporo. — Здесь и далее примечания переводчика.

Студент с поцелуем припал к руке Аполлона а, когда боги вышли, обнаружил в кармане сотни долларов. Бог не соврал — пока парень носил те же штаны, что были на нем в тот вечер, в карманах у него водилось больше денег, чем он мог потратить, а до момента, когда вельвет совсем протерся, прошло ровно десять лет.

Выйдя из бара, боги направились на запад от Кинг-стрит.

— Интересно, — сказал Гермес, — что было бы, обладай животные человеческим разумом.

— А мне любопытно, оказались бы они так же несчастны, как и люди, — отозвался Аполлон.

— Кто-то из людей счастлив, кто-то — нет. Разум — нелегкий дар.

— Я бы поставил год прислуживания одного из нас другому, — произнес Аполлон, — на то, что животные — любые, на твой выбор, —заполучив человеческий разум, станут еще несчастнее людей.

— Человеческий год? Ставку принимаю, — усмехнулся Гермес, — но с условием, что если хотя бы одно животное, умирая, будет счастливо, то я выиграл.

— На то воля случая, — сказал Аполлон. — Даже лучшие жизни порой заканчиваются трагедией, а худшие, напротив, ждет счастливый финал.

— Согласен, но все же нельзя сказать, что за жизнь была, пока она не подошла к концу.

— Говорим ли мы о жизни или существовании? Впрочем, неважно. Как бы то ни было, твои условия я принимаю. Человеческий разум — вовсе не дар. Скорее,

чума — иногда, впрочем, бесполезная. Каких животных ты выбираешь?

За разговором боги не заметили, как оказались неподалеку от ветеринарной клиники на пересечении Кинг-Стрит и Шоу. Войдя незамеченными, они увидели преимущественно собак: владельцы оставили питомцев на ночь.

Что ж, собаки — так собаки.

— Сохранить ли мне им воспоминания? — спросил Аполлон.

— Да.

И бог света даровал человеческий разум пятнадцати псам из питомника.

Где-то около полуночи Розы, немецкая овчарка, оторвалась от вылизывания промежности и задалась вопросом, как долго она находится там, где находится. Ее вдруг взволновала судьба последнего приплода, которым она оценилась. Как же несправедливо, что кто-то должен пройти через муки родов только для того, чтобы потом потерять своих щенят из виду!

Розы поднялась попить воды и уткнулась носом в твердую таблетку. Принюхиваясь к еде в неглубокой миске, собака внезапно поняла, что миска оказалась не просто темной, как обычно, она приобрела странный оттенок. Миска поражала воображение. На самом деле она была обычного жвачно-розового цвета, но Розы, никогда не видевшей такого оттенка, он казался прекрасным. До самой кончины овчарки ни один цвет для нее и рядом не встал с этим.

В клетке по соседству серому неаполитанскому мастифу Аттикусу снилось широкое поле, кишевшее сотня-

ми пушистых зверьков — крысами, кошками, кроликами и белками — они уносились вверх по траве, словно подол платья, подхваченный ветром. То был любимый сон Аттикуса, неизменно его радовавший, все всегда заканчивалось тем, что пес гордо нес сопротивляющееся создание любимому хозяину. Хозяин забирал зверька, швырял его о камень и трепал Аттикуса за холку, зовя по имени. Сон всегда заканчивался именно так. Но не этой ночью. Этой ночью, когда Аттикус прикусил одного из зверей за шкуру, ему подумалось, что существу, должно быть, больно. Эта мысль — яркая и беспрецедентная — пробудила его ото сна.

Собаки в питомнике просыпались, пораженные странными снами или внезапным осознанием неясных изменений вокруг них. Те, кто не спали, — а спать вдали от дома всегда тяжело — подскочили к дверцам клеток посмотреть, кто пришел: словно повисшую тишину вот-вот нарушат чьи-то шаги. Поначалу каждый из них решил, что их новоприобретенное сознание уникально. Но постепенно стало ясно, что все они разделили этот странный мир, в котором теперь обречены жить.

Черный пудель Мэжнун тихо тявкнул. Он стоял, не двигаясь, внимательно изучая Розу, сидевшую в заточении напротив него. Однако в действительности его мысли занимал замок на ее клетке: удлиненная петля, соединенная с задвижным болтом. Петля, крепившаяся между двух прутьев, надежно фиксировала болт, удерживая дверцу закрытой. Конструкция была простой и элегантной. Для того, чтобы открыть клетку, требовалось лишь поднять петлю и отодвинуть засов. Стоя на задних лапах, Мэжнун

вытянул лапу и попробовал отодвинуть засов. Ему потребовалась не одна попытка, было неудобно, но через некоторое время клетка открылась.

Хотя большинство собак и поняли, как Мэжнун выбрался, но последовать его примеру смогли далеко не все. Причины были разные. Фрик и Фрак, два годовалых лабрадора, которых оставили на ночь на стерилизацию, были слишком юны и нетерпеливы для того, чтобы открыть клетку. Собаки поменьше — шоколадный тикап пудель Афина, шнауцер Дуги, бигль Бенджи — знали, что физически не способны достать до болта, а потому скулили, пока клетки не открыли за них. Собаки постарше, например, лабрадудль Агата, слишком устали и растерялись, чтобы думать ясно; к тому же они так и не разобрались, нужна ли им свобода или нет, даже после того, как клетки для них распахнули другие.

У собак, конечно, был свой язык. То был язык, обнаруженный до самой своей сути, язык, в котором единственным, что имело значение, оставалось положение в «обществе» и физическая нужда. Все они понимали самые важные фразы и мысли: «прости меня», «я тебя укушу», «я голоден». Естественно, наложение человеческого образа мышления изменило то, как собаки говорили с другими и с собой. Например, там, где прежде отсутствовало слово для двери, теперь появилось понимание, что «дверь» является предметом, связанным с потребностью в свободе, что она существует независимо от собак. Любопытно, что слово «дверь» в новом песем языке этимологически происходило не от дверцы их клеток, но от задней двери кли-

ники. Стоило им только нажать на металлический засов, и та самая, большая и зеленая задняя дверь с лязганьем открылась. С этой ночи псы условились, что слово «дверь» будет обозначать щелчок (язык у верхнего неба), сопровождаемый вздохом.

Сказать, что псы оказались в замешательстве, было бы серьезным преуменьшением. Если они были «в замешательстве», когда в их сознании произошла перемена, в каком тупике находились они сейчас, выбравшись из клиники через запасный выход, когда увидели Шоу-стрит и внезапно поняли, что дверь ветеринарной клиники захлопнулась у них за спиной и теперь они оказались беспомощными и свободными; открывшийся им мир представлял собой хаос шумов и запахов, которые значили для них теперь больше, чем когда-либо.

Где были они? Кто поведет их?

Для троих из них это странное происшествие закончилось прямо здесь. Агату мучили ужасные боли, ее оставили в клинике, чтобы усыпить, поэтому собака не видела смысла в том, чтобы идти с остальными. Она прожила достойную жизнь, принесла троих щенят и встречала подобающее уважение от сук, которых иногда видела на прогулке. Она не хотела и сантиметра пространства, в котором не было ее хозяйки. Агата легла у дверей клиники и дала понять остальным, что никуда не пойдет. Она не знала, что это решение приблизило ее смерть. Ей не пришло в голову — не могло прийти — что хозяйка бросила ее встречать смерть в одиночку. Хуже всего было то, что утром, когда сотрудники клиники обнаружили ее, — вместе с дворняжками Роналдинью и Лидией — добры они не были. Свою

злость они выместили на Агате, швырнув ее на металлический стол, где собирались усыпить. Один из работников ударил ее, когда она подняла морду в попытке его укусить. Едва завидев стол, она поняла, что ей пришел конец, и последние мгновения ее жизни ушли на бесплодные попытки выразить желание увидеть свою хозяйку. В смятении Агата хрипло лаяла слово, означавшее «голод», вновь и вновь, пока не испустила дух.

Хотя Роналдинью и Лидия прожили дольше, их участь оказалась не лучше. Собак оставили в клинике из-за легкого недомогания и вскоре возвратили благодарным владельцам. Но в каждом из случаев новый образ мышления отравил то, что было (или помнилось таковым) идиллическими и сравнительно долгими жизнями. Роналдинью жил в семье, которая его любила, но по возвращении из клиники он начал замечать, что любовь эта на поверку оказалась снисходительным приятельством. Несмотря на очевидные признаки перемен, с ним обращались, словно он не более чем игрушка. Пес выучил их язык. Он сидел, вставал, притворялся мертвым, переворачивался или просил угощение прежде, чем команды были произнесены до конца. Он научился выключать плиту, когда свистел чайник. А однажды, когда в его присутствии заявили, что собаки не умеют считать до двадцати, пес уставился на того, кто это сказал, и пролаял — иронично, едко — двадцать раз. Никто не заметил или не придал этому значения. Возможно, что еще хуже, семья как раз подозревала, что Роналдинью не был «прежним собой», и потому сторонилась его, небрежно трепля по загривку и морде как будто в па-

мать о том псе, которым он когда-то был. Он умер ожесточившимся и разочарованным жизнью.

Лидии пришлось хуже. Помесь уиппета (по матери) и веймаранера, она всегда была созданием нервным. Человеческое сознание принесло ей еще больше волнений. Она тоже выучила язык своих хозяев, дотошно выполняя все, что от нее хотели, — иногда даже предвосхищая сказанное. Снисходительно-высокомерное отношение хозяев ее не оскорбляло. Лидия страдала от их невнимательности и небрежности, потому что вместе с «умом примата» к ней пришло и острое чувство времени. Течение времени, каждое мгновение — словно зудящий под кожей чесоточный клещ, были невыносимы. Эти мучения стихали только в присутствии хозяев, в их компании. Поскольку ее хозяйева, пара, от которых пахло сиренью и цитрусовыми, всю неделю отсутствовали по восемь часов кряду, страдания Лидии были ужасны. Часы она проводила в мольбах, лая и воя. Наконец, когда ее разум больше не мог выносить нескончаемой агонии, он нашел типично человеческое прибежище от мучений: кататонию. Однажды хозяйева обнаружили ее в гостиной: неподвижную, с открытыми глазами. И отвезли в ту же клинику на Шоу, и когда ветеринар сказал им, что помочь ничем не может, собаку усыпили. Хозяева Лидии не были внимательными, но они были сентиментальными. Они похоронили Лидию в саду за домом, высадив на месте ее упокоения ковер из желтых цветов.

Двенадцать псов, выбравшихся с Шоу, обуревало множество эмоций, не последнее место среди них занимало замешательство. Мир вокруг казался новым и удивитель-

ным и в то же время — знакомым и обыденным. Ничто не должно было их удивить, но все удивляло. Стая острожно двигалась на юг по улице Страчан: через мост, вниз к озеру.

К берегу озера их тянуло инстинктивно. Сочетание запахов вокруг манило собак так же, как утренний запах пекарен притягивает людей. Во-первых, само озеро: кислое, растительное, рыбное. К этому примешивался запах гусей, уток и других птиц. Еще соблазнительнее благоухало птичье дерьмо — похоже на салат, обжаренный на гусином жире. И наконец мимолетные ароматы: вареная свинина, помидоры, говяжий жир, кукуруза, хлеб, сладости и молоко. Никто из псов не мог устоять, несмотря на то, что вдоль озера негде было спрятаться, явись за ними хозяйева.

И хотя сопротивляться влечению озера было почти невозможно, Мэжнун все же решил, что именно это они и должны сделать. Ему пришло в голову, что город — место, где обитают существа, боящиеся собак, которые отказывались выполнять приказы, — худшее укрытие. Что им действительно нужно, размышлял Мэжнун, так это место, где они в безопасности обдумают, как им быть дальше, найдут решение, которое бы устроило всех. Еще он подумал, что Аттикус, вставший во главе стаи, вовсе не обязательно должен быть тем, кто поведет их за собой. Эта мысль посетила его не потому, что он сам мечтал о лидерстве. Нет, хотя нынешнее приключение и увлекало его, и он был доволен компанией, но с людьми Мэжнун чувствовал себя комфортнее. Он не доверял другим собакам. Поэтому и лидерство его не прельщало. С настоящими заботами —